



УДК 94(571)"19/20"
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.47.43>

О пребывании депутатов социал-демократической фракции II Государственной Думы в сибирской ссылке

А. А. Иванов, А. А. Кружалина*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Предлагается характеристика жизни и деятельности, в том числе политической, ссыльных депутатов социал-демократической фракции II Государственной Думы Российской империи. Статья подготовлена на материалах Государственного архива Иркутской области, а также мемуарной и справочной литературы, изданной Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В процессе исследования выявлены и систематизированы основные сведения, характеризующие пребывание депутатов «втородумцев» в сибирской ссылке; сформулированы основные выводы об особенностях общественно-политической и просветительской деятельности бывших депутатов в ссылке.

Ключевые слова: депутаты, II Государственная Дума, ссыльные, социал-демократы, Сибирь.

Для цитирования: Иванов А. А., Кружалина А. А. О пребывании депутатов социал-демократической фракции II Государственной Думы в сибирской ссылке // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2024. Т. 47. С. 43–54. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.47.43>

Original article

On the Stay of the Social Democratic Faction Deputies of the Second State Duma in Siberian Exile

A. A. Ivanov, A. A. Kruzhalina*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The reader is offered a description of the life and activities, including political ones, of the exiled deputies of the Social Democratic faction of the II State Duma of the Russian Empire. The article is based on the materials of the National Archive of the Irkutsk Region, as well as memoirs and reference literature published by the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. In the course of the research, the basic information characterizing the stay of the deputies of the “second-thinkers” in Siberian exile was identified and systematized; The main conclusions about the peculiarities of the socio-political and educational activities of former deputies in exile are formulated.

Keywords: deputies, II State Duma, exiles, Social Democrats, Siberia.

For citation: Ivanov A.A., Kruzhalina A.A. On the Stay of the Social Democratic Faction Deputies of the Second State Duma in Siberian Exile. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2024, vol. 47, pp. 43-54. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.47.43> (in Russian)

Становление парламентаризма в Российской империи сопровождалось противоречивыми, подчас хаотичными усилиями самодержавного государства. Дозволяя одной рукой создать народное представительство с правом участия в решении насущных для страны вопросов, таких как аграрный и рабочий, другой власть карала за всякое проявление инакомыслия. Как известно, первая Дума просуществовала лишь семьдесят два дня, по истечении которых государь распустил ее из-за того, что «выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в непринадлежащую им область». Сочтя, что именно парламентарии своей деятельностью и пропагандой разжигают народное недовольство, вследствие чего «крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения», перешло к грабёжам и неповиновению властям, император был намерен «всею силою государственной мощи привести ослушников закона к подчинению» своей воле¹.

Сформированная после роспуска первой Государственная Дума второго созыва оказалась по составу еще более леворадикальной. Под угрозой нарастания масштабов революции 1905 г. было опасно повторять выше описанный опыт дважды, поэтому правительство изыскало «законные средства» для усмирения парламентской активности революционно настроенных депутатов. На основании сведений, полученных П. А. Столыпиным от полицейской агентуры, последний потребовал от Государственной Думы отстранить 55 депутатов от социал-демократов от участия в заседаниях, а 16 из них и вовсе лишить неприкосновенности.

При этом Николай II, не дождавшись ответа Думы, подписал Манифест о ее роспуске. Среди нескольких, подвергших самодержца к такому решению причин, особенно выделялся факт раскрытия заговора целой части Государственной Думы против Государства и Царской Власти². Не повторяя «ошибок», допущенных с первым созывом, император дополнил манифест избирательным законом, гарантировавшим в новом созыве парламента большинство мест землевладельцам и крупной буржуазии. В ночь на 3 июня 1907 г. большинство представителей социал-демократической фракции Думы были арестованы. Депутат от г. Иркутска В. Е. Мандельберг вспоминал, что арестовали всех, ночевавших дома. Он же «ночевал у знакомых» и потому избежал ареста [4, с. 145] и, добавим, второй своей ссылки в Сибирь.

Спустя почти полгода, 22 ноября 1907 г. начался суд над представителями социал-демократической фракции. После нескольких критических реплик подсудимых депутатов (Серов, Церетели), высказанных против проведения судопроизводства при закрытых дверях, Джапаридзе выразил волю всех обвиняемых: «Мы протестуем против закрытия дверей, не желаем оставаться, освобождаем защитников от выполнения возложенных на них обя-

¹ Высочайший манифест о роспуске Государственной Думы и о времени созыва такой в новом составе (9 июля 1906 г.) // Русский портал: Историческая библиотека русской цивилизации. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1906_07_09_01&disableGlobalInfoCollect=false (дата обращения: 08.12.2023).

² Манифест о роспуске Государственной Думы о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную Думу (извлечение) // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/1380> (дата обращения: 08.12.2023)

занностей и просим их удалиться вместе с нами» [5, с. 146]. Вследствие чего стража увела обвиняемых, бойкотировавших заседание.

В это же время в знак поддержки обвиняемых и против царского произвола забастовали рабочие в Москве, Баку, Кинешемском районе и других местностях. В одном только Петербурге бастовали 100 тыс. рабочих, а также студенты Лесного, Политехнического, Технологического и нескольких других институтов. Социал-демократическая фракция III Думы также не осталась в стороне: депутаты в начале заседания огласили протест, разоблачавший антидемократическую политику самодержавия, и покинули зал заседаний.

1 декабря 1907 г. был вынесен приговор: восьмерых депутатов приговорили к лишению прав состояния и ссылке в каторжные работы на пять лет (П. А. Аникин, В. А. Анисимов, А. Л. Джапаридзе, Г. Ломтатидзе, Е. А. Петров, В. М. Серов, Ир. Г. Церетели, В. А. Чашин). В каторжные работы сроком на четыре года – еще девятерых: В. М. Баташева, Г. Е. Белоусова, А. П. Вагжанова, А. К. Виноградова, И. Ф. Голованова, И. И. Кириенко, Г. Ф. Махарадзе, И. Е. Миронова, И. К. Юдина. Десять депутатов были лишены судом всех прав состояния и сосланы на поселение: Д. К. Белановский, М. Н. Вовчинский, П. Г. Измайлов, С. А. Калинин, И. А. Лопаткин, И. Н. Нагих, И. А. Петров, Ф. И. Приходько, К. А. Рубан, Г. Г. Федоров [11, с. 152]. Итого 27 человек. Еще четверо: Жиделев, Зурабов, Комар и Салтыков были арестованы позже.

Сибирская ссылка стала для этих людей суровым многолетним испытанием. Чем занимались и как жили здесь бывшие депутаты социал-демократической фракции II Государственной Думы, попробуем выяснить в настоящей статье, написанной на материалах Государственного архива Иркутской области, а также мемуарной и справочной литературы, изданной Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1920–1930-е гг. и давно ставшей библиографической редкостью.

Сначала рассмотрим жилищно-бытовые условия ссыльных, присужденных к каторжным работам. Шестеро бывших депутатов – Вагжанов, Голованов, Миронов, Е. Петров, Чашин и Юдин после заключения в тюрьмах центра страны, с 1909 по 1911 г. отбывали свои каторжные сроки в Акатуевской, Алгачинской, а Серов – в Зерентуйской тюрьмах Нерчинского горного района. Аникин, Анисимов, Баташев, Белоусов, Виноградов, Кириенко и Церетели в 1910–1912 гг. содержались в Александровской центральной каторжной тюрьме, расположенной недалеко от Иркутска. Где отбывал наказание Ломтатидзе, выяснить не удалось, Махарадзе содержался в тюрьмах Николаева и Вильно, Джапаридзе же умер по дороге в Сибирь в Курской пересылке [9, с. 89, 213, 617, 663; 10, с. 30, 31, 50, 54, 89, 147, 368, 390, 427, 658].

Режим содержания в названных сибирских тюрьмах был далек от каторжного. Известно, что политические ссыльные жили здесь всегда своим обособленным коллективом, имели выборных старост, которые непосредственно общались и «улаживали» проблемы с администрацией. Осужденные революционеры отдельно от уголовных сами готовили пищу, могли за свой счет улучшать свой рацион, покупая продукты в тюремной лавке или вкладывая в «общий котел» домашние посылки [1].

Политические каторжане Акатуя, Алгачей и Александровского центра носили тюремную одежду и обувь только по собственному желанию. Согласно Правилам о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов, утвержденных 16 ноября 1904 г. циркуляром министра юстиции статс-секретарем Муравьевым, им «предоставлялось, по желанию и с разрешения начальника мест заключения, заниматься в своих камерах или в особо отведенных для этого помещениях письменными работами. Те же Правила категорически запрещали зрителям заставлять политических работать, как внутри тюрьмы, так и за ее пределами»³.

Как видим, тюремный режим для политических арестантов был, скорее, лояльным и мягким, чем тяжелым, и уж никак не «каторжным». Тем не менее политические заключенные всегда его нарушали и широко пользовались незаконными льготами. Их тюремные камеры превращались в настоящие автономные коммуны с выборным руководящим коллективом, где имелись нелегальные книги, издавались рукописные журналы, проводились дискуссии по проблемам революционного движения, была налажена постоянная связь с «волей». Быт таких ссыльных был вполне сносным, а свободное от прогулок время можно было расходовать для самообразования. Санитарной очисткой камер политических, несмотря на требования циркуляра, повсеместно занимались только уголовные каторжане⁴.

При этом, несмотря на либеральный режим, отсутствие принудительного труда, нужно все-таки понимать, что тюремное заключение всегда было суровым наказанием для революционера. Изоляция переносилась с большим трудом, однако самым страшным испытанием было вынужденное общение, когда невозможно уединиться, отказаться от общих разговоров и обсуждения уже хорошо известных тем. В этой ситуации в первую очередь страдала психика человека, его душевное равновесие. Неслучайно среди политических каторжан было всегда так много больных и нервных людей.

Но по-настоящему суровые испытания ожидали революционера после окончания тюремного срока. Согласно приговору, бывшие каторжане выходили на поселение и должны были «пребывать» определенное количество лет среди местных крестьян, вдалеке от железных дорог и губернских центров, где есть рабочие промышленных предприятий и учащая молодежь. Как правило, революционеров селили в северных отдаленных районах Иркутской губернии и Забайкалья. И в нашем случае это правило было соблюдено. Так, Е. Петров был распределен в Селенгинскую волость, Голованов, Чашин – в Посольскую, Юдин, Вагжанов – в с. Творогово, Миронов, Серов – на ст. Мысовая Забайкальской области, Аникин, Анисимов, Виноградов, Церетели – в Тельминскую волость и с. Усолье, Баташев, Белоусов, Кириенко – в Карапчанскую волость, Махарадзе – в Тасеевскую волость Енисейской губернии.

Депутаты-второродумцы, осужденные непосредственно в ссылку на поселение, были распределены: Вовчинский, Калинин – в Коченгскую волость

³Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 2. 1896–1910 гг. СПб. : Изд. ГТУ, 1911. Циркуляр № 9. (Без нумерации страниц)].

⁴Сборник циркуляров... Приложение к циркуляру от 18 ноября 1904 г. № 23.

Иркутской губернии (последний бежал в 1909 г.), Измайлов, Лопаткин – в Яндинскую, И. Петров – в Бирюльскую, Приходько – в Мартыновскую, Рубан – в Братскую («самовольно скрылся» в 1908 г.), Белановский – в Больше-Мамырскую, Нагих – в Карапчанскую, Федоров – в Макаровскую [10, с. 30, 31, 50, 54, 89, 147, 368, 390, 427, 658].

На местах поселения для ссыльных началась совершенно другая, отличная от тюремной жизнь. По приходе в «свою» волость каждый должен был найти себе жилье, самостоятельно обеспечить себя дровами, продуктами, одеждой и обувью. Административно высланные получали на поселении небольшое пособие (114 руб. в год), ссыльные же по суду, как в нашем случае, были лишены и этой материальной поддержки и могли рассчитывать только на помощь от родных, товарищей, а главное, на собственные силы и возможности. Трудоустроиться же в деревне городскому жителю или найти хоть какую-то работу было очень сложно. Трудностей прибавлял и суровый сибирский климат с его морозами, затяжными дождями или, наоборот, засушливым летом.

Состояние «наших» бывших депутатов в сибирской ссылке хорошо иллюстрирует письмо И. Ф. Голованова к депутату III Государственной Думы А. А. Войлошникову от 11 апреля 1912 г. из с. Творогово (Твороговского) Забайкальской области: «Дорогой Авив Андрианович! Переведенные Вами тридцать рублей я получил 16 марта с. г. Из этой суммы, как Вы и писали, я передал Вагжанову пятнадцать рублей. Вы спрашивали, кто из товарищей нуждается в немедленной помощи. Вопрос, поставленный в такой форме, для меня несколько непонятен. Спрашиваете ли про кого-нибудь из депутатов или вообще из поселенцев? ... Все живут, что называется, впроголодь». Далее автор сообщал, что недавно агроном Забайкальской области выхлопотал для него место делопроизводителя в своей канцелярии. Это какой-никакой, а постоянный заработок, поэтому он отказывается от дальнейшей помощи и приносит «сердечную благодарность» всем товарищам по фракции в III Государственной Думе «за столь длительную материальную поддержку» [6, с. 244–245].

«Между прочим, сообщаю, – писал далее И. Ф. Голованов, – что Е. А. Петров, В. А. Чацин и В. М. Серов назначены в Посольскую волость, если только их отправят вовремя, т. е. без всяких задержек, то 19 апреля они должны прибыть в с. Твороговское. Поэтому письма и деньги можете, не дожидаясь от них адреса, посылать по такому же адресу, что высылали мне. ... Вагжанов и Миронов все еще без места, а жить без места страшно трудно, я вот уезжаю из Твороговского с долгом по лавке семьдесят с лишним рублей, хотя мы жили все время втроем: я, жена и подруга жены. Миронов тоже живет на одной квартире с двумя женщинами, политическими, и тоже в долгу. Вагжанов хотя живет и один, и тоже должен, хотя несколько меньше, но он выписывает к себе жену с ребенком, тогда ему, бедному, еще труднее будет. Словом, кого ни возьми из политиков – все должны, благо еще кредит оказывают...» [6, с. 246].

Гораздо лучше жили в ссылке депутаты, имевшие состоятельных родителей или покровителей. В качестве подтверждения этого тезиса следует сказать здесь о судьбе Ир. Г. Церетели. В отличие от других депутатов II Государственной Думы, Церетели побывал в сибирской ссылке дважды. В 1902 г. его в составе большой группы московских и петербургских студентов выслали в Иркутскую губернию за участие в антиправительственных выступлениях. Тогда в г. Иркутске скопилось не менее сотни бывших студентов, энергично протестовавших против своей высылки дальше, в «медвежьи углы» губернии. Студенты даже сумели провести в городе свой съезд, на котором Церетели выступил с большим докладом. Однако, несмотря на протесты, молодых людей все-таки разослали по большей части в северные уезды, при этом значительное число отправили в Якутск [3].

Между тем Ир. Церетели получил назначение в Тунку, место с относительно теплым, мягким климатом на юге Иркутской губернии. Несмотря на это родственники и дальше усиленно хлопотали об «облегчении его участи». За Ир. Г. просил даже предводитель московского дворянства князь Трубецкой: он добился разрешения на перевод Церетели в Тифлис, но тот решительно отказался от «царской милости». По этому поводу среди ссыльных студентов имели место быть даже жаркие споры, следует ли пользоваться результатами таких протекций, при этом, как писала «Революционная Россия», студенты так и не пришли к единому мнению⁵.

Церетели оставался в Тунке под гласным надзором полиции до глубокой осени 1902 г. Затем он ходатайствовал о жительстве в Иркутске «ввиду своей болезни». Ходатайство было удовлетворено, 20 ноября он выехал в «столицу Восточной Сибири», а уже отсюда, попав под общую амнистию для всех студентов, в феврале 1903 г. «с проходным свидетельством и путевым довольствием», выехал в Тифлис⁶. Второй раз Ир. Церетели был сослан в Иркутскую губернию в Александровский каторжный централ уже в 1910 г.

Лишенные возможности легальной политической деятельности с думской трибуны, осужденные депутаты ни в коей мере не отказались от борьбы с самодержавным государством в период каторги и поселения.

Прежде всего они стремились не потерять связь со своими избирателями. Еще в Петербурге, находясь в тюремном заключении, подследственные депутаты обратились к «трудовому народу» с открытым письмом, в котором приветствовали забастовочное движение, а также обосновывали свой отказ участвовать в закрытом суде стремлением показать, кто в действительности «под покровом тайны готовил и осуществлял заговор против народа...» [7, с. 153]. Письмо завершалось эмоциональным прощанием: «Как бы ни бесновалась реакция, победа, товарищи, за нами! ... В далеких тундрах Сибири, в каторге и казематах мы, товарищи, всегда будем с Вами!» [7, с. 154]. Письмо подписано тридцатью социал-демократами, в том числе Аникиным, Анисимовым, Серовым, Чащиным, Юдиным и др.

⁵ Революционная Россия. 1902. № 11. С. 21.

⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 91. Оп. Оц. Д. 45. Л. 1–10.

Письма социал-демократических депутатов находили своего читателя как в Петербурге, так и на далеких окраинах империи. Так, в фонде прокурора Иркутской судебной палаты в ГАИО отложились материалы об обнаруженных 23 июня 1907 г. в с. Иланском Канского уезда Енисейской губернии у крыльца дома крестьянина Соколова 204 экземпляра прокламации под заглавием «Письма социал-демократической фракции в Государственной Думе». Об интересной находке сообщил крестьянин того же села Пудовников⁷. Под контролем прокурора Иркутской судебной палаты производилось следствие, которое, однако, было прекращено уже в ноябре 1907 г. «за необнаружением виновных»⁸.

Помимо укрепления связей со своими избирателями, ссыльные депутаты Государственной Думы стремились по мере возможности вести нелегальную работу на каторге и поселении. Например, в донесении Иркутскому губернскому тюремному инспектору от 28 июля 1916 г. сообщалось, что Павел Алексеев Аникин, содержась в 1910 г. в Александровской центральной каторжной тюрьме, по негласным сведениям, имел свидание с неизвестной женщиной и получал от нее деньги для политических арестантов. По тем же негласным сведениям, относящимся к 1913 г., Аникин намеревался скрыться за границей⁹. По неизвестным причинам этого не произошло.

Каторжане стремились использовать тюремное заключение для политической учебы, углубления и расширения своих знаний. В Александровском центре, к примеру, все «политики» делились на группы, в которых под началом одного из более образованных товарищей изучали политэкономии, философию или общеобразовательные предметы, делались доклады, писались рефераты. В годы Первой мировой войны здесь под руководством эсера А. А. Краковецкого заключенные изучали даже военное дело, учились по выполненным в тюремных мастерских приборам «стрелять из орудий и управлять огнем на местности, открывавшейся из тюремных окон»¹⁰.

Сохранилось письмо депутата В. А. Анисимова к В. И. Ленину из Александровского центра, из которого видно, какой книжный «голод» испытывали каторжане. «Глубокоуважаемый, дорогой Владимир Ильич! Давно я хотел писать Вам, и нужно было, но различные обстоятельства мешали этому. Обращаюсь к Вам за помощью и содействием, обращаюсь к Вам, ибо верю, что отнесетесь участливо и внимательно: такое впечатление осталось у меня, хотя и нечасто встречался с Вами за краткосрочную деятельность 2-й Государственной Думы. Нуждаемся в помощи духовной. Не хочется отставать от жизни, обидно выходить в тираж. Хотелось бы годы тюрьмы превратить в годы учения, проделать ту теоретическую работу, которую не успели выполнить раньше. Хотелось бы выйти с лучшей подготовкой, с твердым мировоззрением. И этого можно достигнуть, ибо условия тюремной жизни не ставят непреодолимых препятствий. Нужно руководство, нужны книги. За этим-то я и обращаюсь к Вам» [12, с. 126–127].

⁷ ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 790. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Ф. 34. Оп. Оц. Д. 51. Л. 23.

¹⁰ Краковецкий А. Военное дело на каторге. (Из воспоминаний об Александровском центре) // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 107–120.

И далее В. А. Анисимов вспоминал о том, что, когда бывшие депутаты сидели в тюрьме в Петербурге, «насчет книг было неплохо: и пропуск был свободный, и доставляли нам». Но все же многого, очень многого мы не успели прочесть. Кроме того, текущая работа мысли нам почти незнакома. Между тем за эти годы сделано ведь много в области теории. Мы почти совершенно не знаем, какие вопросы стоят в настоящее время (и в недалеком прошлом) на очереди, какие водоразделы разделяют ныне группы и как группируется публика, а знать это весьма интересно и нужно бы. Если бы время от времени писали нам об этом, для нас было бы большим благом. ...И вообще, что можно достать из марксистской литературы на русском, немецком, французском и английском языках, было бы для нас в высшей степени полезно иметь...» [12, с. 128–129].

Подобная система самообразования была налажена и в Забайкалье. Так, после поступления в Акатуевскую тюрьму бывших депутатов-втородумцев, здесь под руководством А. П. Вагжанова и Е. А. Петрова образовался кружок по изучению произведений К. Маркса. Занятия носили регулярный характер, при этом штудируемая нелегальная литература искусно пряталась под обложки разрешенных книг из тюремной библиотеки. К каждому занятию на нескольких грифельных досках записывался реферат, который и слушали все члены кружка. Как писал Г. А. Васильев, кружок посещали не менее 10 каторжан, многие относились к учебе весьма серьезно [2, с. 50].

Для втородумцев были также важны связи с левыми парламентариями III созыва. Так, в 1913 г. П. А. Аникин, находясь уже на свободе, вместе с депутатами II созыва послал телеграмму в социал-демократическую фракцию Думы и в редакции левых газет с выражением протеста против выхода из состава социал-демократической фракции шести членов от большевиков.

Отбыв положенные сроки, бывшие депутаты весьма активно включались в политический процесс в регионе, кооперируясь с представителями партий левого толка. По негласным сведениям, в 1915 г. П. А. Аникин принимал деятельное участие в издании иркутских газет и журналов социал-демократического направления, в том числе и «Сибирского обозрения», конфискованных по распоряжению иркутского губернатора за вредное направление, ответственные редакторы каковых были привлечены властями к ответственности¹¹.

Более того, в переписке Восточно-Сибирского районного охранного отделения Иркутского губернского жандармского управления по партии социал-демократов содержатся сведения о встрече 12 января 1914 г. на квартире Е. К. Николаевой четырех социал-демократов – Горенштейна и трех бывших депутатов Государственной Думы II созыва: Баташева, Аникина и Анисимова, а также одного анархиста-коммуниста – Богданова и трех социалистов-революционеров – Николаева, Белоцерковича и Броневского. На встрече, по свидетельству агента, был поднят вопрос о создании такой беспартийной

¹¹ ГАИО. Ф. 34. Оп. Оц. Д. 51. Л. 23 об.

группы, в которую могли бы войти члены РСДРП, СР и АК. Однако решения принято не было¹².

В конце июля 1912 г. другой втородумец, В. М. Серов, живший на поселении на ст. Мысовая, где работал учителем, был уличен в связях с революционерами из европейской части России. Начальник Иркутского губернского жандармского полицейского управления полковник Васильев 8 марта 1913 г. сообщал своему помощнику по Забайкальской области, что им из Департамента полиции получена копия письма, добытого агентурным путем и адресованного в г. Мысовск на имя Василия Серова, Полицейская ул. В письме некий Макс из Кракова писал Серову об отправке очередных денежных сумм для оказания помощи политическим ссыльным, отбывающим наказание в Забайкалье, а также сообщал директивы для налаживания постоянных связей с каторжанами в тюрьмах Нерчинского округа. Макс просил Серова отправлять ему статьи, «посвященные жизни ссыльнопоселенцев и каторги, для чего предлагалось раздобыть соответствующих корреспондентов». Обыск, сделанный у В. М. Серова, полностью подтвердил изложенные в письме факты: в Мысовске активно действовал региональный центр «Краковского союза помощи политическим узникам» – организации, имеющей разветвленную сеть по всей Сибири [8, с. 205–206].

В 1916 г. Серов переехал в Верхнеудинск¹³, где работал в газете «Забайкальская мысль» под редакцией А. А. Нечугаева¹⁴, а после – директором торговой школы¹⁵. К тому моменту недалеко от Верхнеудинска на консервном заводе работал и В. А. Чашин, находящийся, как и другие члены социал-демократической партии, под полицейским наблюдением. С 1912 г. в Верхнеудинске жил и И. К. Юдин.

К 1917 г. Верхнеудинская партгруппа насчитывала до 30 чел., ее основу составляли ссыльные социал-демократы. Здесь работали четыре бывших депутата Государственной думы – Е. А. Петров, В. М. Серов, В. А. Чашин, И. К. Юдин, а также ссыльные А. М. Буйко, К. А. Киселев, А. А. Кузнецов, Н. В. Маракулин, Т. М. Сентарецкий, А. К. Скрынников и другие. Деятельность ссыльных была сосредоточена на усилении влияния среди приказчиков, солдат местного гарнизона, железнодорожников, немногочисленных рабочих предприятий обрабатывающей промышленности¹⁶.

Немало депутатов-втородумцев, отбыв свои официальные сроки наказания, проживая в сибирских городах и поселках, но оставаясь под негласным надзором жандармов, продолжали вести нелегальную деятельность. Характерным примером может служить биография И. И. Кириенко. По окончании срока каторги Кириенко был назначен первоначально в Марковскую волость Киренского уезда, затем перераспределен в Уманскую волость того же уезда, а в 1912 г., с разрешения иркутского генерал-губернатора, проживал в Иркутске и состоял на службе в городской управе. Полиция располагала све-

¹² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 835. Л. 9 об.

¹³ Василий Матвеевич Серов // Бурят-Монгольская правда. 1935. № 258 (5763), 7 нояб. С. 4.

¹⁴ К-ва Материалы о ссылке В. М. Серова // Бурят-Монгольская правда. 1936. № 035 (5814), 12 февр. С. 4.

¹⁵ Плесков В. Во глубине сибирских руд // Байкал. 1966. № 3, май – июнь. С. 13–14.

¹⁶ ГАНИЗК. Ф. 4307. Оп. 2. Д. 1198. Л. 10–11.

дениями о том, что Кириенко постоянно занимался незаконной агитационной работой среди различных социальных слоев города. Так, при внезапном обыске в столе Кириенко в городской управе были обнаружены письма, «указывающие как на сношения Кириенко со ссыльными политическими, так и с лидерами С-Д партии». При этом по личному обыску Кириенко у него был обнаружен «лист с фамилиями 15-ти кандидатов в 4-ю Государственную Думу», что, по мнению полиции, «указало на агитацию, предпринятую Кириенко в целях избрания Соц. Дем. кандидатом»¹⁷.

Иркутское губернское жандармское управление располагало также «негласными сведениями», что И. И. Кириенко был причастен к крупной забастовке служащих фирмы Второва в Иркутске. Его участие выражалось в редактировании газетных статей, тенденциозно освещавших ход забастовки и появившихся затем на страницах «иркутской прессы». Кроме этого, жандармами было установлено, что Кириенко было «пожертвовано 1500 руб. в пользу забастовавших служащих, легших в основание забастовочного фонда», каковые деньги были получены от служащих торгово-промышленных заведений г. Иркутска¹⁸.

Резюмируя вышеизложенное, стоит сделать вывод, что скорострительно прервавшаяся парламентская деятельность депутатов-втородумцев, следственные и судебные мероприятия и последовавшие за ними годы тюремного заключения, ссылки и поселения наложили негативный отпечаток на здоровье бывших депутатов, заставили испытать всевозможные материальные и духовные лишения. Однако даже в таких сложных условиях они находили возможности для саморазвития, политического образования и расширения своих знаний и навыков. При этом все отмеченные выше тяготы не только не способствовали формированию у них политического абсентеизма, но и, наоборот, стимулировали активно включаться в нелегальную политическую деятельность, даже находясь под пристальным надзором жандармов.

Годы пребывания на каторге и в сибирской ссылке на поселении стали для большинства депутатов-втородумцев периодом накопления сил, позволившим упрочить свои леворадикальные убеждения и в дальнейшем вернуться к активной политической деятельности в период политических трансформаций 1917 г.

Список литературы

1. *Быкова Н. Н.* «Свободное время» каторжан Александровского централа в начале XX века // Иркутский историко-экономический ежегодник. Вып. 2006. Иркутск: БГУ, 2006. С. 93–100.
2. *Васильев Г. А.* Из революционного прошлого. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1969. 68 с.
3. *Крамольников Г. И.* О подпольной работе в социал-демократических организациях Сибири // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. Вып. 4. С. 3–50.
4. *Мандельберг В. Е.* Из пережитого: воспоминания. Давос: Книгоизд-во «За рубежом», 1910. 145 с.

¹⁷ ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 496. Л. 1–1 об.

¹⁸ Там же. Л. 2.

5. Материалы о суде над социал-демократической фракцией // Тернии без роз. Сборник в пользу осужденных социал-демократических депутатов второй государственной думы. 1908. Женева, 1908. С. 146–147.

6. Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 358 с.

7. Письмо депутатов 2-й Гос. Думы // Тернии без роз. Сборник в пользу осужденных социал-демократических депутатов второй государственной думы. 1908. Женева, 1908. С. 153–154.

8. Плесков В. Из недр архива // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги: Сборник воспоминаний, документов и материалов. М. : Каторга и ссылка, 1927. 304 с.

9. Политическая каторга и ссылка : биограф. справ. членов О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 686 с.

10. Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М. : Изд-во ВОПКИС, 1934. 878 с.

11. Приговор по делу социал-демократических депутатов // Тернии без роз. Сборник в пользу осужденных социал-демократических депутатов второй государственной думы. 1908. Женева, 1908. 165 с.

12. Щербakov Н. Н. Связи В. И. Ленина с колониями политических ссыльных Сибири (обзорная статья) // Сибирские страницы об Ильиче. Документы, воспоминания, статьи. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. С. 126–133.

References

1. Bykova N.N. "Svobodnoe vremja" katorzhan Aleksandrovsckogo centrala v nachale XX veka ["Free Time" of the Alexandrovsky Central Convicts in the early twentieth century]. *Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik. Vypusk 2006* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook. The Iss. 2006]. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2006, pp. 93-100. (in Russian)

2. Vasil'ev G.A. *Iz revoljucionnogo proshlogo* [From the Revolutionary Past]. Ulan-Ude, Burjat-Mongol Publ. House, 1969, 68 p. (in Russian)

3. Kramolnikov G.I. О подпольной работе в социал-демократических организациях Сибири [On the Underground Work in Social Democratic Organizations of Siberia]. *Revoljucionnoe dvizhenie v Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Revolutionary Movement in Siberia and the Far East]. Tomsk, Publishing House of the Tomsk University, 1967, iss. 4, pp. 3-50. (in Russian)

4. Mandelberg V.E. *Iz perezhitogo: vospominanija* [From the Past: Memories]. Davos, Publishing house "Abroad", 1910, 145 p. (in Russian)

5. Materialy o sude nad social-demokraticeskiju frakciej [Materials on the Trial of the Social Democratic Faction]. *Ternii bez roz. Sbornik v polzu osuzhdennyh social-demokraticeskij deputatov vtoroj gosudarstvennoj dумы* [Thorns Without Roses. A Collection in Favor of the Convicted Social Democratic Deputies of the Second State Duma]. Geneva, 1908, pp. 146-147. (in Russian)

6. *Pisma politicheskijh ssyl'nyh v Vostochnoj Sibiri (konec XVIII – nachalo XX v.)* [Letters of Political Exiles in Eastern Siberia (late 18th – early 20th century)]. Irkutsk, East-Siberian Publishing House, 1978, 358 p. (in Russian)

7. Pismo deputatov 2-oj Gos. Dumy [Letter of of the 2nd State Duma Deputies]. *Ternii bez roz. Sbornik v polzu osuzhdennyh social-demokraticeskij deputatov vtoroj gosudarstvennoj dумы* [Thorns Without Roses. A Collection in Favor of the Convicted Social Democratic Deputies of the Second State Duma]. Geneva, 1908, pp. 153-154. (in Russian)

8. Pleskov V. Iz neдр arhiva [From the Archive Depths]. *Kara i drugie tjur'my Nerchinskij katorgi: Sbornik vospominanij, dokumentov i materialov* [Kara and Other Prisons of the Nerchinsk Penal Servitude: A Collection of Memoirs, Documents and Materials]. Moscow, "Penal servitude and exile", 1927, 304 p. (in Russian)

9. Politicheskaja katorga i ssylka: biograf. sprav. chlenov O-va politkatorzhan i ssyl'noselencev [Political Hard Labor and Exile: Biographic Directory of the members of the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers]. Moscow, Publ. House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1929, 686 p. (in Russian)

10. *Politicheskaja katorga i ssylka: Biograficheskij s`pravochnik chlenov obshhestva politkatorzhan i ssylno-poselencev* [Political Hard Labor and Exile: A Biographical Directory of the Members of the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers]. Moscow, VOPKIS Publ. House, 1934, 878 p. (in Russian)

11. Prigovor po delu social-demokraticeskikh deputatov [The Verdict in the Case of the Social Democratic Deputies]. *Ternii bez roz. Sbornik v polzu osuzhdennykh social-demokraticeskikh deputatov vtoroj gosudarstvennoj dумы* [Thorns Without Roses. A Collection in Favor of the Convicted Social Democratic Deputies of the Second State Duma]. Geneva, 1908, 165 p. (in Russian)

12. Shherbakov N.N. Svjazi V.I. Lenina s kolonijami politicheskikh ssylnyh Sibiri (obzornaja stat'ja) [Lenin's Connections with the Colonies of Political Exiles in Siberia (Review Article)]. *Sibirskie stranicy ob Iliche. Dokumenty, vospominanija, stat'i* [Siberian ages about Ilyich. Documents, Memoirs, Articles]. Irkutsk, East-Siberian Publ. House, 1970, pp. 126-133. (in Russian)

Сведения об авторах

Иванов Александр Александрович

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
Иркутский государственный университет,
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: ottisk@irmail.ru

Кружалина Анастасия Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: kliokrua@yandex.ru

Information about the authors

Ivanov Alexander Aleksandrovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia
Irkutsk State University,
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: ottisk@irmail.ru

Kruzhalina Anastasia Alekseevna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor of the Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: kliokrua@yandex.ru

Статья поступила в редакцию **20.12.2023**; одобрена после рецензирования **15.01.2024**; принята к публикации **25.01.2024**
The article was submitted **December, 20, 2023**; approved after reviewing **January, 15, 2024**; accepted for publication **January, 25, 2024**